

С. С. ПРОКОФЬЕВ - ПИАНИСТ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Марушкина Валентина Игоревна

*преподаватель фортепиано Муниципального бюджетного учреждения
дополнительного образования «Детской школы искусств им. А.В. Корнеева», г.*

Москва, г. Щербинка

Могучий талант, тонкое ощущение стиля и предельно отточенное мастерство с первых же творческих шагов приковали к Сергею Сергеевичу Прокофьеву пристальное внимание общественности. Вступив на композиторское поприще, он избрал путь смелого новатора, завоевав горячие симпатии музыкальной молодежи. Уверенно, даже демонстративно отказываясь от изысканно – утонченной манеры исполнения использовал фортепиано для своих трибунных, «ораторских» выступлений. Недаром недоброжелатели музыканта издевательски обвиняли его в «маяковничаньи». Эта ссылка сближает эпатазирующие тенденции в его пианизме с сенсационными выступлениями русских «кубо-футуристов».

Первые слушатели музыки С. С. Прокофьева сразу разделились на два резко враждебных лагеря: восторженных ценителей и негодующих критиков. Поэтому оценки современников так неоднозначны. Выступления Сергея Сергеевича обычно вызывали столь же бурные рукоплескания, сколь и пронзительные свистки. «Говору и толков - масса! - комментировал один из концертов С. С. Прокофьева его друг Б. В. Асафьев. - Кто "за", кто "против", но все чувствуют, что идет сила и талант...» [3, с. 53]. Молодого музыканта это скорее забавляло, чем волновало. Он шел спокойно, но решительно по избранному пути. В ожесточенных спорах вокруг его произведений С. С. Прокофьев находил справедливое и ценное для себя, трезво и внимательно прислушивался к замечаниям. Дискуссия же возрастала с каждым новым сочинением, принимая все большую остроту и вовлекая широкие слои слушателей, музыкантов, критиков.

Отличаясь редкой целеустремленностью, С. С. Прокофьев поставил себе задачу окончить фортепианное отделение с отличием и завоевать премию

имени А. Г. Рубинштейна. Примечательно при этом, что для своей программы Сергей Сергеевич выбрал отнюдь не проверенные произведения, способные, казалось бы, аттестовать его с лучшей стороны. Вместо традиционного цикла из «Хорошо темперированного клавира» он выучил сочинение из «Искусства фуги» И. С. Баха. Исполнив свой собственный Первый концерт, бросил вызов комиссии. Завершала программу фантазия «Тангейзер» Р. Вагнера – Ф. Листа, продемонстрировавшая феноменальную виртуозность молодого музыканта. Сам Сергей Сергеевич назвал выпускной экзамен «боем роялей». Консерваторская профессура раскололась на две резко противоположные партии - «за» и «против» С. С. Прокофьева. Так Александр Константинович Глазунов обвинил его в утомительной, не всегда искренней аффектации, желании извлечь из фортепиано непосильные эффекты, часто в ущерб красоте звучности. Все же в результате бурного обсуждения Первая премия имени А. Г. Рубинштейна, а именно рояль фабрики Шредер, была присуждена музыканту.

Стремясь добиться признания в музыкальном мире Запада, С. С. Прокофьев предпринимает бесчисленные поездки, курсируя между Европой и Америкой. Как в калейдоскопе, меняются города и страны: Чикаго, Париж, Берлин, Лондон, Нью-Йорк, Канада, Бельгия, Испания, Италия... Желая играть собственные сочинения, Прокофьев, однако, вынужден включать в программу и известные публике чужие опусы. И все-таки рецензенты либо нещадно критикуют его искусство, либо превозносят до небес. Красноречивы заголовки статей: «Пианист-титан», «Русских хаос в музыке», «Карнавал какофонии», «Вулканическое извержение за клавиатурой». Мастерство С. С. Прокофьева характеризовали как «атаку мамонтов на азиатском плато», а пианизм - как механическую игру, лишенную оттенков. Очевидно, такое восприятие было поверхностным и односторонним, потому что слишком уж С. С. Прокофьев был музыкален, чуток к фразе, к построению цельного художественного образа, чтобы репутация самодовлеющего разрушителя оказалась верной. Так, может быть, скорее прав его друг Серж Морё, который называл Сергея Сергеевича "Паганини рояля". Французский композитор Франсис Пуленк отмечал

мощную и гибкую руку пианиста, лишь незначительным касанием клавиш способного добиваться звучности необычайной силы и интенсивности. Вот отзыв Дмитрия Борисовича Кабалевского: «Все, что он играл, было проникнуто полнокровием, физическим и душевным здоровьем, все было красочно, оригинально, но нигде ни в чем никакого преувеличения, никакой резкости, тем более грубости... все было овеяно искренним, поэтическим чувством, живой человечностью...» [3, с. 56]. Сейчас, когда слушаешь записи Прокофьева-пианиста, эти впечатления оказываются созвучными. Святослав Рихтер о выступлении Сергея Сергеевича отзывался так: «Помню, на меня произвело впечатление, как он играет все без педали и очень «законченно». Он играл свои мелкие вещи, и каждая была как элегантный деликатес в строго обдуманном меню» [5, с. 132].

Что бы ни исполнял Сергей Сергеевич - свои ли сочинения или же А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова, М. П. Мусоргского, его интерпретации отличает звуковая бережность, но не расплывчатость, идеальное чувство ритма, при весьма свободных и пикантных *rubato*, изящная танцевальность, острая характерность, но при этом ни грамма «выколачивания». По свидетельству художника Юрия Анненкова, «его пальцы виртуоза извлекали из клавиатуры акценты настолько красноречивые и парадоксальные, что у нас создавалось чудодейственное впечатление, что мы слушаем человеческий разговор, а не музыку» [3, с. 56 - 57]. Прокофьев-пианист прекрасно чувствовал тембр, волшебным образом превращая тот или иной регистр фортепиано в специфическую оркестровую звучность.

Исполнительская карьера Сергея Сергеевича в начале пути была необходима, чтобы наилучшим образом пропагандировать собственную музыку. Постепенно сочинения композитора стали входить в репертуар известных артистов, и тогда он стал сокращать свою пианистическую деятельность, доведя ее до минимума, а затем и вовсе прекратил. Но потрясающее мастерство Сергея Сергеевича отразилось в его фортепианном творчестве.

Своеобразным откликом на музыку Прокофьева является ее исполнение в конкурсных и концертных программах. Уже не одно поколение пианистов воспитывается на ней, завоеывая вершины мастерства. Жгучий интерес публики, одобрение, восхищение творчеством Сергея Сергеевича подтверждает популярность его сочинений. Среди наиболее ярких российских интерпретаторов фортепианной музыки С. С. Прокофьева можно назвать Г. Нейгауза, В. Софроницкого, Л. Оборина, Э. Гилельса, С. Рихтера, Я. Зака, А. Ведерникова, М. Юдину, Н. Петрова, М. Плетнева, Е. Кисина, Н. Луганского. Из зарубежных пианистов, с успехом включавших в свой репертуар произведения Сергея Сергеевича, нельзя не отметить В. Горовица, Б. Джайниса, Р. Сёркина, В. Клиберна, Ч. Боллета, Д. Поллака, М. Аргерих.

Ярко образная манера игры, умение доносить свой замысел до слушателя вызывали подчас ответную реакцию энтузиазма аудитории. Так, известный график Александр Родченко оставил серию рисунков к циклу из двадцати фортепианных пьес «Мимолетности». А поэт К. Бальмонт, вдохновленный Третьим фортепианным концертом Прокофьева в авторском исполнении, написал стихотворение. Этот сонет интересен как попытка пересказать средствами поэзии услышанную музыку:

Ликующий пожар багряного цветка
Клавиатуру слов играет огоньками,
Чтоб огненными вдруг запрыгать языками.
Расплавленной руды взметенная река.
Прокофьев! Музыка и молодость в расцвете,
В тебе востосковал оркестр о звонком лете
И в бубен солнца бьет непобедимый скиф.

Список использованной литературы:

1. Гаккель Л.Е. С.С. Прокофьев / Л.Е. Гаккель // Фортепианная музыка XX века: Очерки. - 2-е изд., доп. – Л.: Сов. композитор, 1990. – С. 196 – 229.

2. Нейгауз Г. Композитор-исполнитель (из впечатлений о творчестве и пианизме Сергея Прокофьева) / Г. Нейгауз // С.С. Прокофьев материалы, документы, воспоминания / сост., ред., примеч. и вступ. ст. С.И. Шлифштейна.- М.: Государственное музыкальное издательство, 1956.– С. 271 - 280.
3. Нестьева М.И. Сергей Прокофьев / М.И. Нестьева.- Челябинск: Аркаим, 2003.- 236 с.
4. Прокофьев С.С. Автобиография / С.С. Прокофьев. – изд. 2-е, доп. – М.: Сов. композитор, 1982. – 600 с.
5. Рихтер С. О Прокофьеве / С. Рихтер // Пианисты рассказывают / общая ред. М. Соколова.- М.: Сов. композитор, 1988.- Вып. 3.- С. 132 – 146.